Т. 12. №11 2026
https://doi.org/10.33619/2414-2948/132

УДК 801.81 https://doi.org/10.33619/2414-2948/132/82

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФЕНОМЕНА «КЫРК ЧОРО»

©Касымбекова Н. Ж., *ORCID: 0009-0005-4145-1320, SPIN-код: 9193-3620, канд. филол. наук, Институт языка и литературы им. Б. Юнусалиева; Национальная академия наук Кыргызской Республики при Президенте Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызстан, nurida.kasymbekova@mail.ru*

HISTORICAL AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE “KYRK CHORO” PHENOMENON

©Kasymbekova N., *ORCID: 0009-0005-4145-1320, SPIN-code: 9193-3620, Ph.D., Institute of Language and Literature of the National Academy named after B. Yunusaliev; National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan under the President, Bishkek, Kyrgyzstan, nurida.kasymbekova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются историко-теоретические и этнолингвистические основы понятия «чоро», занимающего важное место в кыргызском историко-этнокультурном пространстве. Основная цель исследования — определить особенности употребления лексемы «чоро» с древнетюркского периода в историческом и эпическом мировоззрении кыргызов, проанализировать пути формирования его титульных, социальных и этнических смысловых слоев. В этом направлении семантика слова «чоро» трактуется не только как воин или слуга, но и как понятие, выражающее общественно-политическую иерархию, систему военного устройства и принадлежность к определенной социальной группе в древнетюркском обществе. В первом направлении исследования «чоро» рассматривается как древнетюркский титул, уделяется внимание его функции в исторических источниках и общественном устройстве тюркских народов. Титульное значение анализируется как понятие, выражающее положение человека в обществе, близость к правителю, военно-политическую функцию и определенный должностной статус. Такой взгляд позволяет рассматривать происхождение термина «чоро» в связи с древнетюркскими государственными и военными институтами. Во втором направлении исследуется генеонимический и этнонимический характер названия «чоро». Здесь рассматривается возможность перехода лексемы в название определенного рода, племени или этнической общности, ее семантическая функция, выражающая этническую идентификацию. Семантическое развитие названия «чоро» от термина, обозначающего индивидуальный социальный статус, к коллективному названию объясняется в контексте историко-этнических процессов. Также отмечается связь названия с генеалогической памятью, родоплеменной структурой и этническим самосознанием. В итоге, понятие «чоро» оценивается не только как титульный термин, связанный с древнетюркским общественным устройством, но и как многослойная лингво-историческая категория, со временем приобретшая этническое и генеалогическое значение. Такой концептуальный подход послужит теоретической основой для более полного объяснения происхождения феномена «кырк чоро» и его места в исторической памяти кыргызов.

Abstract. This article examines the historical-theoretical and ethnolinguistic foundations of the term "choro", which holds a significant place within the Kyrgyz historical and ethno-cultural landscape. The primary objective of this study is to define the usage of the lexeme "choro" — from the Old Turkic period onward — within the historical and epic worldview of the Kyrgyz people, and to analyze the development of its various layers of meaning, encompassing its roles as a title, a social

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Т. 12. №11 2026
https://doi.org/10.33619/2414-2948/132

designation, and an ethnonym. In this context, the semantics of "choro" are interpreted not merely as "warrior" or "servant", but as a concept denoting a socio-political hierarchy, a system of military organization, and membership in a specific social group within Old Turkic society. In the first line of inquiry, "choro" is analyzed as an Old Turkic title, with a focus on its function within historical sources and the social structure of Turkic peoples. As a title, it signifies an individual's standing in society, their proximity to a ruler, their military-political function, and their specific official status. This perspective allows the origin of the term "choro" to be examined in relation to Old Turkic state and military institutions. The second line of inquiry explores the nature of "choro" as a term denoting lineage or ethnicity. It investigates how the lexeme evolved into the name of a specific clan, tribe, or ethnic community, serving a semantic function related to ethnic identification. The semantic shift of "choro" — from a term denoting an individual's social status to a collective designation — is explained within the context of historical and ethnic processes. Furthermore, the study highlights the connection between the term and genealogical memory, the clan-tribal structure, and ethnic self-consciousness. Ultimately, the term "choro" is understood not merely as a title associated with the social structure of the ancient Turks, but as a multi-layered linguistic and historical category that, over time, acquired ethnic and genealogical significance. This conceptual approach will serve as a theoretical foundation for a more comprehensive explanation of the origins of the "kyrk choro" phenomenon and its place in the historical memory of the Kyrgyz people.

Ключевые слова: кырк чоро; этимология; титул; военно-политическое управление; генеалогически-этническая идентификация; символическое значение.

Keywords: kyrk choro; etymology; title; military-political administration; genealogical-ethnic identification; symbolic meaning.

Эпос «Манас» — это подлинное эпическое произведение, которое широко отражает не только историю кыргызского народа, но и различные аспекты его жизни и быта: этнический состав, хозяйство, повседневную жизнь, традиции, нравственность, эстетическую природу, нормы поведения, оценки положительных и отрицательных человеческих качеств, отношение к окружающей среде и природе, мировоззрение, религиозные представления, астрономические, географические и другие знания, народную поэтику и язык. В целом, это «пансофия кыргызского народа — собрание всех мудрых знаний», средство осмысления и накопления этнической памяти, истинный свидетель многотысячелетней истории кыргызского народа, интегратор, систематизирующий традиционную кыргызскую культуру, «великое явление, познающее нас самих, духовная сила для каждого поколения», образец этносоциальной памяти, духовный капитал, охватывающий все стороны общественного сознания, национальный генетический код, фактор, подтверждающий кыргызскую идентичность и объединяющий в идеологической целостности [1-5].

По мере того как времена меняются, меняется и взгляд человека, но обращение к эпосу «Манас», который вобрал в себя всю сущность богатейшего духовного наследия древних кыргызов, для специального обогащения — закономерное явление. В наше время, когда информационные технологии стремительно развиваются, порождая проблему «одинокого общества», особое значение приобретает изучение феномена сорока чоро, объединенных определенной целью, имеющих свои внутренние правила, ответственность и систему ценностей. Этот институт необходимо рассматривать не только как исторический памятник, но и как духовно-идеологический образец формирования патриотизма, гражданского сознания, коллективной ответственности, народной дипломатии, морально-нравственных

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Т. 12. №11 2026
https://doi.org/10.33619/2414-2948/132

ценностей. В основе феномена сорока чоро лежит идея согласия и единства. В традиционном кыргызском обществе ответственность личности перед народом имела особое значение. Такое психологическое единство — основной фактор, обеспечивающий стабильность группы. Французский социолог и философ Э. Дюркгейм отмечал, что прочность общества связана с солидарностью его членов [6].

Его концепция социальной солидарности помогает объяснить внутреннюю структуру института чоро. Силой, объединяющей чоро, был не материальный интерес, а общая вера, клятва, честь и ответственность перед народом. Такая духовная связь обусловила их долгосрочную службу одной цели. Как отмечали основатели теории социальной идентичности А. Тейфел и Дж. Тернер, люди стремятся защищать достоинство определенной группы только тогда, когда чувствуют себя ее частью [7].

Чоро также считали себя не просто воинами, а носителями идеи Манаса. Поэтому их честь, достоинство и ответственность были подняты с личного уровня на национальный. В феномене кырк чоро особое место занимает вопрос лидерства. Манас — это не просто руководитель, управляющий силой, а лидер, завоевавший доверие чоро благодаря своим личным качествам: благородству, справедливости и милосердию. В современных теориях такое явление рассматривается как трансформационное лидерство. Такие руководители вдохновляют своих сторонников на достижение общей цели и способствуют раскрытию их внутреннего потенциала. Искренняя поддержка чоро Манаса и их безграничная преданность ему в эпосе обусловлены именно этими психологическими факторами. Также обращает на себя внимание четкое распределение социальных ролей в общине кырк чоро. Каждый чоро имел свои обязанности, службу и ответственность. Одни выполняли функции военачальников, другие — разведчиков, послов, советников, гонцов или стражей порядка. Такая организованность способствовала эффективной работе группы и общественной стабильности.

С психологической точки зрения, институт кырк чоро представлял собой социальное сообщество, основанное на взаимном доверии, эмоциональной поддержке и общей моральной ответственности. Понятия дружбы, братства, верности клятве и чести, существовавшие между ними, отражают этнопсихологические особенности кыргызского народа. Групповая психология, сформированная на основе таких качеств, представлена в эпосе как образец идеальных общественных отношений. Таким образом, феномен “кырк чоро” является не просто совокупностью эпических персонажей, а историко-социальным институтом, отражающим устройство кыргызского общества, групповую психологию, культуру лидерства, коллективное сознание и систему ценностей. Его изучение с социопсихологической точки зрения позволит объяснить общественные связи, межличностные отношения и коллективную идентичность в традиционном обществе кыргызского народа с новой научной перспективы. Такой анализ также будет способствовать выявлению особенностей формирования феномена кырк чоро как реального социального института, а не только эпического.

Древний тюркский титул. Слово «чоро» является одним из общественно-политических и военных терминов, используемых в истории тюркских народов с древних времен. В научном сообществе существует несколько точек зрения относительно этимологии этого слова. Древний тюркский титул. Большинство ученых трактуют слово чоро < чор (čor) как военно-политический титул в древнетюркском обществе. Наиболее надежными источниками для определения происхождения и исторического значения слова «чоро» считаются древнетюркские письменные памятники и тюркологические исследования. В орхоно-енисейских письменных памятниках VII–VIII веков čor используется как военно-политический титул и встречается в составе антропонимов, таких как Моюн Чор, Кюлюг Чор. Эти данные свидетельствуют о том, что в древнетюркском обществе čor обозначал

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Т. 12. №11 2026
https://doi.org/10.33619/2414-2948/132

определенную государственную или военную степень. Ученый, исследовавший орхоно-енисейскую рунику и историю Центральной Азии, С. Г. Кляшторный в своих трудах анализирует понятие «čor» как один из военно-административных титулов, передававшихся по наследству от отца к сыну в древнетюркских каганатах, отмечает, что в эпитафиях долины «Айыр-Там-Ой» чоро был высшим титулом, присваиваемым знати, и британский тюрколог Жерар Клоусон также в своем труде «An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish» (1972) анализирует этимологию слова čor, рассматривая его как титульный термин в древнетюркском обществе [8].

Это подтверждается и мнением кыргызского ученого Ч. Т. Нусупова: «В рунических надписях кыргызов VI–VIII веков в западном кыргызском обществе существовало воинское звание «чоро», которое впоследствии упоминается в трилогии кыргызов «Манас», а также в эпических произведениях «Жаныш-Байыш», «Жаңыл Мырза», «Курманбек», «Эр Табылды» и других. Стоит отметить, что среди других тюркских народов, кроме кыргызов, воинское звание «чоро» как обозначение воинского ранга отсутствует» [9].

Труд Жусупа Баласагына XI века «Кутадгу билиг» также входит в число основных источников при исследовании лексики и общественно-политической терминологии древнетюркского общества. Здесь «чоро» встречается в форме «чагры-бек» и имеет пояснение в значении придворного титула, чина [10].

Схожая точка зрения встречается в исторической поэме узбекского поэта Мухаммада Салиха XV века «Шайбани-Наме». В ней слова «ички» и «чухра» используются параллельно и толкуются как слуга, спутник, придворный служащий [11].

Ученый, исследовавший государственное устройство и систему титулов в Средней Азии, В. В. Бартольд, наряду с другими терминами, приводит примеры «кырк чохре», «коп чохре», «чехре агасы» и объясняет: «Чохре — человек, находящийся на близкой службе у правителя или князя, придворный слуга, личный телохранитель (спутник)» [12].

В «Древнетюркском словаре» слово čor рассматривается как титул в древнетюркских письменных памятниках. А в книге К. Карасаева говорится: «Слово чур (чор, чура, чора) было заимствовано из древнеперсидского языка в тюркский, изначально имело значение «воин, богатырь», а позднее стало обозначать должностную степень» [13].

Р. Кыдырбаева также считает кырк чоро знаменем, оставшимся от Тюркского каганата [14].

В итоге, сравнение древнетюркских письменных памятников и тюркологических трудов показывает, что первоначальное значение слова «чоро» — это военно-политический титул в древнетюркском обществе. В кыргызском эпосе «Манас» этот термин семантически развился и приобрел эпическое значение верного соратника, сподвижника, советника и защитника народа Манаса. Генеоним, этноним. Чоро — род в составе племени чекир саяк [15].

Кара чоро — генеоним. Согласно данным народной летописи, племена азык, черик, чекир, саяк, багыш происходят от Кара чоро. Генеоним известен с древнейших времен и впервые упоминается в кыргызских рунических письменных памятниках Таласа, высеченных на камне, в форме «Кара чур» (предположительно, антропоним). На основе титула чур (чор), (чура) чоро, начиная с древнетюркской эпохи, было известно и использовалось в повседневной жизни множество имен людей. Свидетельством этому служат, как упомянуто выше, имена Агуш Чур, Бег чур, Ил Чур, Чур, отраженные в древнетюркских рунических надписях. Собственные имена «Отуз оглан» (тридцать сыновей), «Кара чур» (Кара Чоро), «Агулт» (Ак уул), а также титул-термин «ынал», описанные в Таласских рунических надписях, встречаются только у кыргызов. Кара Чоро упоминается в «Маджму ат Таварих» Сайф ад-Дина Аксикенди как один из шести сыновей Тагай бия. Исследователи отмечают, что термин «кара» у

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Т. 12. №11 2026
https://doi.org/10.33619/2414-2948/132

тюркоязычных народов (племен) означает «народ», «масса», «большинство», а «чур» (чоро) — титул, собственное племенное имя. Следовательно, вышеизложенные сведения раскрывают точное значение генеонима. Генеоним «кара чоро» был известен у кыргызов еще с Енисейской эпохи. Установлено, что в составе шорцев до сих пор сохранился род под названием «кара чоро». Это вполне возможно, что является древним кыргызским этнокомпонентом в составе шорцев [16].

Чоро начинают упоминаться как самостоятельное племя с XIII века. С. М. Абрамзон в своих исследованиях высказывает мнение, что племя у чекир-саяков имеет общие корни с племенем чорос в Моголистане [17].

Известно, что «чоро + с»; -с/-з- является древним словообразовательным суффиксом, определяющим множественное значение. Профессор Ө. Караев пишет, что часть чоросов в XIII веке мигрировала из Восточного Туркестана в улус Чагатая. Чоросы активно участвовали в политической жизни Моголистана (особенно в Восточном Туркестане) [18].

Захреддин Бабур в своих мемуарах (Бабур-наме) подтверждает существование племени чорос на территории Моголистана [19].

Действительно, чоросы упоминаются наряду с сегодняшними племенами булгачы (родовое объединение), тагай (генеоним), кушчу, дуулат, бааргы [20].

Именно в этот исторический период этнический компонент мог войти в состав кыргызов. Этноним «чорос» одновременно упоминается и в составе ойрот-калмыков. Рамстедт в сравнительно-историческом исследовании алтайских языков, уделяя внимание тюрко-монгольским языковым связям, рассматривал название чорос у ойротов в связи с кыргызским словом чоро. В итоге, четыре основных точки зрения, связанные со словом «чоро», показывают, что это многословная семантическая единица. Согласно первой точке зрения, оно обозначает государственное и военное звание, а во второй — родовое название как генеоним. Следовательно, семантика слова «чоро» является многогранным понятием, объединяющим исторические, этнические, социальные и духовные значения.

Список литературы:

1. Ормонов Т. Педагогическая пансофия кыргызского народа // Советская педагогика. 1978. №1. С. 128-134.

2. Молдобаев И. Б. “Манас” – историко-культурный памятник кыргызов. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 311 с.

3. Молдобаев К. К. К исследованию национальной идентичности и этносоциальной памяти // Социальная память: сущность, место и роль в обществе. Сборник материалов республиканской научной конференции. Бишкек, 2004. С. 112-115.

4. Молдобаев И. Б. “Манас” – историко-культурный памятник кыргызов. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 311 с.

5. Акмолдоева Ш. Б. “Манас” – форма духовного освоения действительности древними кыргызами. Бишкек. 1998. 168 с.

6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.

7. Тейфел Х., Тернер Д. К. Интегративная теория межгруппового конфликта // Социальная психология межгрупповых отношений. М.: Аспект Пресс, 2000.

8. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПБ, 2003. 560 с.

9. Нусупов Ч. Т. Кыргыз Евразии и тюркоязычные народы позднего средневековья. Бишкек, 1999. 146 с.

10. Жусуп Баласагын, Куттуу билим. Бишкек, 2011. 386 б.

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Т. 12. №11 2026
https://doi.org/10.33619/2414-2948/132

11. Мухаммед Салих Шайбани-наме. Ташкент, 1989. 318 с.
12. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Работы по истории Средней Азии. М., 1963, 1020 с.
13. Карасаев К. Накыл сөздөр. Бишкек, 1995. 499 б.
14. Кыдырбаева Р. З. Генезис эпоса “Манас”. Фрунзе, 1980. 279 с.
15. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1960. Т. IV. 480 с.
16. Каратаев О., Эралиев С. Кыргыз этнографиясы боюнча сөздүк. Бишкек, 2005. 600 б.
17. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1990. 480 с.
11. Караев О. К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995. 160 с.
12. Губаева С. С. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX - начале XX в. (по данным топонимии). Ташкент, 1983. 245 с.
13. Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахами и другими соседними народами // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. 1965. №3. С. 52-65.

References:

1. Ormonov, T. (1978). Pedagogicheskaya pansofiya kyrgyzskogo naroda. *Sovetskaya pedagogika,* (1), 128-134. (in Russian).
2. Moldobaev, I. B. (1995). “Manas” – istoriko-kul'turnyi pamyatnik kyrgyzov. Bishkek. (in Russian).
3. Moldobaev, K. K. (2004). K issledovaniyu natsional'noi identichnosti i etnosotsial'noi pamyati. In *Sotsial'naya pamyat': sushchnost', mesto i rol' v obshchestve. Sbornik materialov respublikanskoi nauchnoi konferentsii, Bishkek,* 112-115. (in Russian).
4. Moldobaev, I. B. (1995). “Manas” – istoriko-kul'turnyi pamyatnik kyrgyzov. Bishkek. (in Russian).
5. Akmoldoeva, Sh. B. (1998). “Manas” – forma dukhovnogo osvoeniya deistvitel'nosti drevnimi kyrgyzami. Bishkek. (in Russian).
6. Dyurkgeim, E. (1996). O razdelenii obshchestvennogo truda. Moscow. (in Russian).
7. Teifel, Kh., & Terner, D. K. (2000). Integrativnaya teoriya mezhgruppovogo konflikta. In *Sotsial'naya psikhologiya mezhgruppovykh otnoshenii,* Moscow. (in Russian).
8. Klyashtornyi, S. G. (2003). Istoriya Tsentral'noi Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma. St. Petersburg. (in Russian).
9. Nusupov, Ch. T. (1999). Kyrgyz Evrazii i tyurkoyazychnye narody pozdnego srednevekov'ya. Bishkek. (in Russian).
10. Zhusup, Balasagyn (2011). Kuttuu bilim. Bishkek. (in Russian).
11. Mukhammed, Salikh (1989). Shaibani-name. Tashkent. (in Russian).
12. Bartol'd, V. V. (1963). Sochineniya. T. 2. Raboty po istorii Srednei Azii. Moscow. (in Russian).
13. Karasaev, K. (1995). Nakyl sözdör. Bishkek. (in Russian).
14. Kydyrbaeva, R. Z. (1980). Genezis eposa “Manas”. Frunze. (in Russian).
15. Abramzon, S. M. (1960). Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi. St. Petersburg. (in Russian).
16. Karataev, O., & Eraliev, S. (2005). Kyrgyz etnografiyasy boyuncha sözdyk. Bishkek. (in Russian).

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

17. Abramzon, S. M. (1990). Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi. Moscow. (in Russian).

11. Karaev, O. K. (1995). Chagataiskii ulus. Gosudarstvo Khaidu. Mogulistan. Obrazovanie kyrgyzskogo naroda. Bishkek. (in Russian).

12. Gubaeva, S. S. (1983). Etnicheskii sostav naseleniya Fergany v kontse XIX - nachale XX v. (po dannym toponimii). Tashkent. (in Russian).

13. Yudin, V. P. (1965). O rodoplemennom sostave mogulov Mogulistana i Mogulii i ikh etnicheskikh svyazakh s kazakhami i drugimi sosednimi narodami. *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoi SSR. Seriya obshchestvennykh nauk*, (3), 52-65. (in Russian).

Поступила в редакцию
09.09.2026 г.

Принята к публикации
16.09.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Касымбекова Н. Ж. Историко-теоретические основы феномена «кырк чоро» // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №11. С. 708-714. https://doi.org/10.33619/2414-2948/132/82

Cite as (APA):

Kasymbekova, N. (2026). Historical and Theoretical Foundations of the “Kyrk Choro” Phenomenon. *Bulletin of Science and Practice, 12*(11), 708-714. (in Russian). https://doi.org/10.33619/2414-2948/132/82

Тип лицензии CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)